

Увѣщанія нравственнаго, рассчитаннаго на то, что человѣкъ можетъ пойти противъ себя, что онъ отвѣтственъ за свои поступки,—такого ученія въ пантеизмѣ быть не можетъ. И германскіе ученые признаются, что гдѣ пантеизмъ, тамъ нѣтъ мѣста нравственному подвигу, тамъ подвигъ замѣняется благоразуміемъ. Можно правда указывать, что страсти, напр., разстраняють здоровье, или убѣдить ребенка не кушать конфетъ, потому что это вредно для желудка. Но такіе совѣты, имѣющіе цѣлью благополучіе, опираются на *познаніе*, дающіе просторъ и успѣхъ *самосохраненію*, т. е. не нравственному, а себялюбивому мотиву. Послѣдовательные пантеисты не отрицаются отъ такого нравственнаго нигилизма. Себялюбіе и познаніе ограждаютъ людей отъ бѣдъ, говорятъ они, а въ этомъ и заключается прогрессъ. Когда люди узнають, что имъ вредно, они поневолѣ будутъ лучше.

Но нелѣпость такого предположенія сразу же бросается въ глаза, ибо выходило бы тогда, что гдѣ знаніе, тамъ и добро. По силѣ этого утвержденія, напр., выходило бы, что если невинная дѣвушка пала и погрязла въ развратѣ, стала Мессалиной или Чухой, то она сдѣлалась лучше, чѣмъ была въ 15 лѣтъ, потому что узнала гораздо больше, чѣмъ знала тогда.

Толстой понимаетъ это затрудненіе и старается выйти изъ него посредствомъ такихъ соображеній. Знаніе, говоритъ онъ, дѣйствительно необходимо влечетъ къ добру. Человѣкъ дѣлаетъ лишь то, что онъ считаетъ высшимъ благомъ: узнаетъ, въ чемъ оно для него состоитъ, и будетъ поступать сообразно сему. Но случается такъ, что человѣкъ считаетъ благомъ зло и потому слѣдуетъ ему. Такъ, напр., поступали софисты, книжники и фарисеи, богословы и священники, которые замѣнили истинное благо безсмысленными догматами, и стали требовать вмѣсто исполненія заповѣдей добродѣтели однихъ обрядовъ и давить личность христіанъ. Толстой будто-бы открылъ глаза на настоящее благо и если-бы всѣ люди такъ же узнали истинное благо, то не было бы и паденій. Итакъ, вопреки нѣмецкимъ пантеистамъ, принужденнымъ признавать во всемъ прогрессъ и нигдѣ не регрессъ (ибо познаніе вездѣ умножается а незнаніе уменьшается и слѣдовательно зло должно вездѣ уменьшаться), Толстой признаетъ „активное развитіе зла чрезъ распространеніе ложнаго